

ность, угроза (жизни): «Неужели они ждут какой-то беды?» Всеми силами души мне хотелось отвести от их дома несчастье (Е. Суворов); Когда людей расстреливают по ошибке — это трагедия (Ю. Трифонов); Наряду с иными стихийными бедствиями, как-то: пожар, град, начисто выбивающий хлебные поля, ненастье или, наоборот, великая сушь — есть в деревне еще одно бедствие, о котором, может быть, и не знают многие городские люди. Вдруг ударит набат, и, когда все выбегут на улицу смотреть, где горит, бьющий в набат крикнет: «К Самойловскому лесу бегите, коровы объелись!» Прихватив ножи, бегут мужики к лесу, еще не зная, кого из них поразило несчастье... Раньше потеря коровы была страшной катастрофой для крестьянской семьи (В. Солоухин).

Таким образом, представленный информационно-смысловой блок является элементом типовой денотативной ситуации в широком смысле, включающей события, которые связаны с целенаправленным действием субъекта, охватывающим объект и получающим локальную конкретизацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика; пер. с фр. М., 2002. 446 с.
3. Гак В. Г. О моделях языкового синтеза // Гак В. Г. Языковые преобразования. М., 1998.
4. Гафарова Г. В., Кильдибекова Т. А. Теоретические основы и принципы составления функционально-когнитивного словаря. Уфа, 2003. 302 с.
5. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.
6. Кравченко А. В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск, 1996. 160 с.
7. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд. доп. М., 2003. С. 160.
8. Теньер Л. Основы структурального синтаксиса. М., 1988. 654 с.

Л. И. КУШНАРЕВА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИНОСКАЗАНИЯ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА

АННОТАЦИЯ: Отталкиваясь от когнитивного направления в литературоведении, автор рассматривает иносказание как художественный дискурс, что позволяет осуществить интерпретацию художественного иносказательного дискурса на базе художественных концептов с учетом их ассоциативных связей.

SUMMARY: Based on cognitive approach within the framework of literary criticism This article analyses allusion as poetic discourse. This approach makes it possible to interpret the discourse on the basis of concepts and associated notions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *когнитивный подход, иносказание, интерпретация художественного иносказательного дискурса, микро-/макро-концепт, ассоциативная связь.*

KEY WORDS: *cognitive approach, paroemia, interpretation of paroemiic poetic text, micro-/macro-concept, associated notion.*

Основной метод анализа языкового материала данной статьи связан с когнитивным направлением в литературоведении — художественной когнитивностью [Ахапкин: 2002].

Кардинальная роль литературы в жизни общества и человечества в целом способствует росту интереса к различным сторонам литературного творчества. Современную ситуацию в литературоведении можно обозначить как период поисков новых направлений в исследовании художественного текста, среди которых выделяется когнитивный подход. Свидетельством этому является появление новых книг и статей [Лозинская: 2007], проведение научных конференций и семинаров [Концептуальные проблемы литературы: 2008]. Истоки когнитивного подхода к изучению литературы прослеживаются в концепциях отечественных филологов начала XX века (Потебня: 1999, Шкловский: 1983), которые выдвигали идею искусства как познания, и ведут к исследованиям московско-тартусской школы семиотики (Топоров, Лотман). С развитием когнитивной лингвистики и когнитивной психологии мысли наших известных ученых были подхвачены зарубежными исследователями 1980-2000-х гг. (Лаккофф) и стали основой западного подхода к литературе как мышлению. Когнитивное литературоведение рассматривает литературу как особый род ментальной деятельности, в результате которой «мы понимаем происходящее, т. е. можем делать некоторые предсказания относительно развития событий в реальности или художественном произведении, оценивать их и т. п.» [Лозинская: 2007].

В качестве опорных понятий в статье используются термины «макро-концепт» и «микро-концепт». Термин «макро-концепт» уже получил определение как семантическая категория наиболее высокой степени абстракции, включающая в себя частные значения конкретизации общей семантики (Телия). В данной диссертации предлагается новая трактовка макро-концепта. Макро-концепт рассматривается как авторский художественный концепт, обогащенный ассоциативными связями. Другими словами, на уровне выражения макро-концепт включает, помимо ключевого слова (понятия), ряд других слов, ассоциирующихся с ним и образующих микро-концепты.

Основу когнитивного (концептуального) анализа составляет интерпретация понятийного содержания художественного иносказательного дискурса (ХИД) на базе макро-концепта «Зло», выделенного в романе У. Голдинга «Шпиль». Вербальная реализация макро-концепта «Зло» осуществляется с учетом картины мира писателя, отраженной в семантическом пространстве указанной притчи. Особый интерес к изучению картины мира писателя, его внутреннему (художественному) миру полностью соответствует антропоцентрической парадигме в современной науке.

Анализируя художественный концепт «Зло» на материале творчества У. Голдинга мы обнаружили его различные языковые проявления. Несмотря на свою значимость в романе, само слово «зло» (evil) не входит в высокочастотный ряд лексических единиц, используемых для создания эмоционального тона и передачи состояния героев романа. Но его поддерживают синонимические ряды с ассоциативным расширением (под расширением понимаются контекстные / ситуативные синонимы-ассоциации, образующие своего рода семантико-ассоциативные поля). Семантико-ассоциативное поле можно рассматривать как способ репрезентации индивидуально-авторского художественного макро-концепта «Зло».

В ходе анализа текста удалось выявить, что содержание притчи отражается в образующих макро-концепт «Зло» микро-концептах «Собор» (Church), «Страх» (Fear), «Грех» (Sin), «Наказание» (Punishment), «Смерть» (Death), «Сеть» (Net). Рассмотрим лексическое наполнение ряда из них.

Микро-концепт «Собор» (Church). Образующие семантическое пространство микро-концепта «Собор» лексические единицы рисуют собор как место служения Богу и как каменный корабль с его надежной командой, как дом и кров Ср.: In this house for a hundred and fifty years, we have woven a rich fabric of constant praise. And he laughed aloud for pure joy, knowing the security of the stone ship, the security of her crew. — Вот уже полтораста лет мы ткem в этих стенах великолепный узор хвалы Господу. Он громко смеялся от радости и знал, как надежен каменный корабль и его команда. Внимание читателя привлекает двойной повтор существительного security (безопасность, уверенность в будущем) в отношении собора, описанного иносказательно как the stone ship (каменный корабль как нечто надежное, но не реальное, потому что корабль не может быть построен из камня), и в отношении команды корабля (как известно, не на всех людей можно положиться). Это иносказательное прочтение может помочь вдумчивому читателю понять всю ненадежность подобного утверждения Джослина.

Однако последний, глядя на макет собора, представляет его себе, на первый взгляд неожиданно для читателя, в образе человека, лежащего на спине: The model was like a man, lying on his back. The nave was his legs placed together, the transepts on either side were his arms outspread. The choir was his body; and the Lady Chapel where now the services would be held, was his head. And now also, springing, projecting, bursting, erupting from the heart of the building, there was its crown and majesty, its new spire. — Макет был подобен человеку, лежащему на спине. Неф — его сомкнутые ноги, трансепты по обе стороны — раскинутые руки, хор — туловище, а капелла Пресвятой Девы, где отныне будут совершаться богослужения, — голова. И вот теперь вознесся, устремился, воздвигся, извергся из самого сердца храма его венец и величие — новый шпиль. Существует мнение, что Джослин видит перед собой тело распятого Иисуса Христа. Но расширенная метафора дает нам возможность предложить другую трактовку этого образа. Зная, что Джослина влечет к Гуди, мы можем предположить, что он неосознанно видит в этом распростертом теле именно ее.

Микро-концепт «Собор» представлен далее в романе следующим рядом слов, вложенных автором в уста (мысли) Джослина: the ark — ковчег; the refuge — прибежище; a stone bible — каменная Библия; the apocalypse in stone — каменный Апокалипсис; a skin of glass and stone — кожа из стекла и камня; a praying man — человек, возносящий молитву; a richly written book — великолепная книга. Все выделенные слова являются ключевыми и несут основную идейную нагрузку в романе. Они помогают расшифровать иносказательный смысл. Поскольку автор «выдал тайну» настоятеля, то читатель понимает, почему использована ассоциация с Ноевым ковчегом — Noah's ark — символом спасения во время Потопа (the Flood). Джослин видит себя в роли патриарха Ноя, а Гуди — в роли его жены (Noah's wife).

Постепенно размышления Джослина о соборе меняются, что можно интерпретировать как его зарождающиеся сомнения о целесообразности сооружения шпиля. Особый интерес среди иносказаний, вербализующих микро-концепт «Собор», представляет the apocalypse in stone — каменный Апокалипсис. Эту аллюзию на событие, описанное в Библии, можно интерпретировать как подтверждение грядущего несчастья для героя. Теперь собор для Джослина всего лишь a skin of glass and stone — кожа из стекла и камня, a stone skin with stone members — каменная кожа на каменных костях. Собор больше не похож на священный фолиант, он изменился (sank from glorification — возглашение славы — to homilectics — скучная проповедь). Теперь это обычное здание with neither grandeur nor majesty — лишенное блеска и величия.

Микро-концепт «Шпиль» (Spire). Необходимо подчеркнуть, что любая частность, предмет, любой жест, любой эпизод в этой, одной из самых метафорических и щедрых на аллегории притч У. Голдинга, имеют иносказательный смысл, образующий философскую основу произведения. Одной из таких аллегорий, требующих интерпретации, является шпиль — символ и воплощение зла. У. Голдинг стремился донести до читателя двойственность средних веков с их водоразделом, пролегающим через все области бытия, физического и духовного. Именно в средние века имело место одухотворение материального и материализация духовного. В жизни той эпохи перемешаны высокое и низкое, стремление к Богу и греховный расчет и плотские наслаждения. Грандиозной метафорой двойственности становится сам собор, уподобленный распластанному под небом телу и вооруженный шпилем. Последний, задуманный как вознесенная к престолу высших сил молитва в камне, обретает, по логике такого уподобления, силуэт фаллоса.

В микро-концептах «Собор», «Грех», и «Наказание» сема зла присутствует и прямо и опосредованно, то есть, представлена и эксплицитно и имплицитно. В этом смысле микро-концепт «Шпиль», иносказательное воплощение зла, существенно отличается; в нем сема зла представлена лишь через ассоциации.

К единицам, вербализующим семантическое пространство микро-концепта «Шпиль», относятся mast — мачта; finger — палец; apocalypse in stone — каменный Апокалипсис; stick that made a shape like a dunce's cap — деревянный макет, похожий на колпак; skin of glass and stone — каменная ко-

жа на каменных костях; a diagram of the prayer of all — чертеж молитвы; a diagram of the folly — чертеж безумства; the overriding thing — давящая громада; stone hammer — каменный молот; centre of the book — сердце каменной книги; crown — венец каменной книги; ultimate prayer — вершина молитвы; stone contraption — каменная глыба; colossal spike — исполинский шип, tree — древо зла и т. д.

При сравнении в ходе анализа лексических единиц, имплицитующих шпиль, читатель приходит к выводу, что в отношении Джослина к шпилю также прослеживается двойственность его характера, противоречивость. С одной стороны, шпиль символизирует неосуществимое желание Джослина обладать Гуди Пэнголл. С другой стороны, даже ради любимой женщины он не в силах избавиться от мыслей о самом великом деле своей жизни. Ср.: Then he shook himself, for he felt her cling, and this was bad for the work. I must put aside all small things, he thought. If they are part of the cost, why so be it. And if I cannot help, what is the point of all this brooding? I have too great a work on hand. Work! Work! The thought was an illumination. I must climb away from all this confusion! I shall take this burning will of mine up the tower. — Чувствуя, что мысли о ней опутывают его, он отбросил их прочь, потому что они могли повредить делу. «Надо отринуть все ничтожное, — решил он. — Какова бы ни была цена, я пожертвую всем. И что толку думать об этой женщине, если все равно нельзя ей помочь? Я должен свершить великое дело. Дело! Дело!» И тут он сразу понял — это наитие свыше, озарение. «Надо подняться над всяческой суетой! Я вознесу свою пламенеющую волю на башню».

Слепая вера приводит Джослина к такому глубокому душевному кризису, что он практически теряет разум и держится лишь на одном фанатизме. Ср.: There it came again, the notsong, the absence of remembering, the overriding thing. — И снова потусторонняя песня, провал в памяти, давящая громада. В данном отрывке Джослин предстает перед читателем как полностью раздавленный человек. Метафора «давящая громада» и окказионализм «потусторонняя песня» создают правдивое описание его эмоций, подчеркнутых наречием «снова» и метафорой «провал в памяти». С другой стороны, использование в одном ассоциативном поле со шпилем слов tree, fountain, bird говорит о двойственном отношении Джослина к не только к шпилю, но и к жизни вообще. Аллегория — цветущее дерево — многозначна. За шпилем, построенным по настоянию Джослина, стоят земля и небо, грешные люди и ангелы, нравственное падение и вера. Но при всех противоречиях, воплощенных в образе главного героя, читатель видит, что все дела человеческие, даже творимые во славу божью, двойственны по своей природе. Даже на смертном одре Джослин хранит светлые воспоминания о счастливых днях. Таким образом, на материале анализа примеров удастся подтвердить, что шпиль, как двойственный образ, воплощает в себе и добро и зло.

Микро-концепт «Грех» (Sin). Семантическое пространство данного микро-концепта структурировано следующими единицами: sin (преступление против морали, грех, проступок), wickedness (греховность; грех), wicked (порочный), unlawful (запретный), fault, (вина, проступок, провинность, прегре-

шение), pride (гордыня), fall (грехопадение), etc. Ср.: One evening I was praying that the pride of my position should be taken from me. I was young and I took a monstrous pride in this great house of mine. I was all pride —. — Однажды вечером я изо всех своих слабых сил молил Бога избавить меня от гордыни. Потому что я был молод и преисполнен чудовищной гордыни, ослепленный блеском своего храма. Одна лишь гордыня и была во мне...

Как видно из перевода данного предложения, в молодости Джослин осознавал, что священнослужителю, как и любому верующему, не подобает иметь греховные помыслы. Он знает, что «гордыня» — один из семи смертных грехов, которые названы в Священном Писании. Но он не пытается бороться с этим злом.

Греховное влечение Джослина можно толковать и как нарушение заповеди You shall not covet your neighbor's wife — Не желай жены ближнего твоего (Исход). Вожделение — также один из смертных грехов. Ср.: What it is when one's mind turns to one thing only, and that not the lawful, the ordained thing; but to the unlawful. — Что может значить, когда человек думает лишь об одном — и не о дозволенном, не о предписанном, но о запретном? В данном примере субстантивированное прилагательное «запретное» имплицитно подразумевает «грех» (the unlawful, illegal — что-либо незаконное, противозаконное; недопустимое; неэтичное). Использование контраста the lawful — the unlawful подчеркивает раздвоенность сознания персонажа, полного смятения, неспособного ответить себе самому на поставленный вопрос. Из двух последних приведенных примеров можно сделать вывод о том, что сема «грех» может быть имплицитована, то есть не содержаться в семантической структуре слова, но подразумеваться.

Микро-концепт «Наказание» (Punishment). Общеизвестно, что грех связан с наказанием. В соответствии с дефиницией, мы включили в микро-концепт «Наказание» следующие единицы, прямо либо иносказательно, через ассоциации, выражающие сему наказания: penalty — наказание; trial — суд; plea — апелляция, мольба о помощи; to bear one's cross / to see it through — нести свой крест до конца; to present an account to somebody — предъявлять счет; to damn; damnation, the damned — проклипать, проклятье, проклятые; to rebuke (angel rebuking sin, the dark angel — карающий ангел, дьявол, сатана; purgatory — преддверие ада; to assail — терзать, преследовать; to haunt — неотступно сопровождать, преследовать; fall (n & v) — грех, грехопадение; грешить; to lash — сечь, пороть; to mortify — умерщвлять плоть; to torment — мучить, терзать; the sick fire (опаляющий огонь); An eye for an eye — Око за око; Doomsday — Судный День; Satan — Сатана (Дьявол); Hell and Purgatory — чистилище; преддверие ада и др.

Анализ устойчивого выражения to present an account to somebody (Webster's) — (предъявить счет), которое в английском языке имеет в качестве синонима идиому bring / call to account (призвать к ответу, привлечь к ответственности), показал, что одно из его значений — «наказание». Ср.: He knew that the death of a workman had been added to some account that one day would be presented. — Джослин понял, что и эта смерть записана в счет, кото-

рый когда-нибудь будет ему предъявлен. Использование слова *account* в значении «обвинение» красноречиво свидетельствует о тяжести греха, совершенного Джослином. Внимание читателя привлекает форма глагола *to present* в будущем времени (*would be presented*), подчеркивающая неотвратимость наказания.

Значительную роль в интерпретации микро-концепта играют входящие в его состав Библейские реалии и прямые цитаты из Библии. Ср.: *Hell* (Ад) — место, где после смерти души умерших подвергаются наказанию за совершенные ими во время земной жизни преступления; *Doomsday* (Судный день) — символ конца света, в аллегорической форме предсказывающей дальнейшее развитие событий в романе и предрекающий всеобщее и наивысшее наказание. Предложение *An eye for an eye, tooth for tooth* (в переводе «Око за око, зуб за зуб») заимствовано из Ветхого Завета (Исход) и также воплощает идею наказания. Вот ее полный вариант: *Eye for eye, tooth for tooth, hand for hand, foot for foot*. Эта цитата понимается как «воздаяние, отплата, возмездие». Библейские реалии *Satan* (Сатана) и *Devil* (Дьявол) ассоциируются со злом, но их возможно отнести и к данному микро-концепту, поскольку известно, что зло предполагает возмездие, то есть наказание. Библейские реалии являются одним из способов создания иносказательной манеры письма У. Голдинга.

Макро-концепт «Зло». Микро-концепты, объединенные в макро-концепт «Зло», образуют концептосферу романа-притчи «Шпиль» для обозначения совокупности ассоциативных потенций, заключенных в словарном запасе автора романа — У. Голдинга. Структурно-функциональные характеристики классической притчи позволяют рассматривать ее как универсальную текстовую модель. В качестве таковой она обеспечивает перекодировки в текстах более высокого уровня, к которым относится авторская притча (анализируемый роман). Анализ соотношения макро- и микро-концептов позволил раскрыть сложную смысловую структуру романа-притчи «Шпиль», воплощенную в макро-концепте «Зло».

Семантическое пространство макро-концепта «Зло» оценивалось с учетом результатов содержательного (контекстуального) анализа как единиц, входящих в его состав, так и единиц в составе микро-концептов. Особенностью макро-концепта «Зло» является то, что в нем ведущая сема представлена лишь в подтексте и выявлена через ассоциативные связи. Это подтверждает, что основной способ изображения действительности в притчевом дискурсе — иносказание. Иносказательность как способ отражения действительности отражается и в стилистических особенностях языка притчи. Нами были выявлены и подвергнуты лингвостилистическому анализу лексические выразительные средства (стилистические приемы) и лексико-синтаксические выразительные средства (фигуры речи).

В ходе интерпретации притчeveго (иносказательного) дискурса в данной статье использовались элементы когнитивного анализа с опорой на концепты, выявленные в притчевом дискурсе, анализа словарных дефиниций, а также методики контекстуального, лингвостилистического и лингвокультурологического анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахапкин Д. Н. «Филологическая метафора» в поэзии И. Бродского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Санкт-Петербургский госуд. ун-т, 2002. 168 с.
2. Лозинская Е. В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX-XXI веков: Аналитический обзор // РАН ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения. М., 2007. 160 с.
3. Концептуальные проблемы литературы: художественная когнитивность: материалы III Международной научной заочной конференции (октябрь 2008 г.) Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2009. 368 с.
4. Голдинг У. «Шпиль» / пер. с англ. В. Хинкиса. СПб.: Азбука, 2000. 271 с.
5. Golding W. "The Spire". London: Faber and Faber Limited, 1965. 223 с.

М. В. МУРАВЬЕВА

КОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СРЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ИНСТРУКТИРУЮЩЕГО ТЕКСТА)

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается вопрос когнитивного потенциала инструктирующего текста на материале исследования текстов должностных инструкций на английском и русском языках. Исследуемая автором ментальная модель реализуется через набор определенных фреймов.

SUMMARY: This article aims at finding the cognitive potential in the professional environment through studying English and Russian texts of job descriptions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когниция, когнитивный потенциал, понимание, интерпретация, фрейм.

KEY WORDS: cognition, cognitive potential, understanding, interpretation, frame.

Исходя из гносеологической потребности человека, его ведущей деятельностью является деятельность когнитивная, т. е. практика познания мира, который в терминах постнеклассицизма представляет собой «инфомир», а сам человек выступает в нем «создателем смыслов» [Меськов, 2010:65]. Соответственно, любая сфера деятельности современного человека должна обладать когнитивным потенциалом. Хотя следует помнить, что в процессе познания мира мы сталкиваемся с проблемами понимания и интерпретации, обозначенными еще Гадамером и Рикером.

Широко распространено и понятно значение термина «когнитивный». Стоит отметить, что речь идет о его исходном значении. Итак, это — «относящийся к когниции, связанный с когницией, с процессами и результатами познания». Частичным синонимом его является прилагательное «познавательный» [Тришин, 2010: эл. ресурс]. Говоря о когнитивном потенциале, мы будем принимать во внимание значение частичного синонима этого термина и рассматривать объект исследования как в когнитивном, так и познавательном ракурсе.